

Великий Чарли

Замечательному
мастеру кино —
80 лет

Мы, люди XX века, не в пример своим предкам, весьма щедры на самые высокие эпитеты в оценке современников. И потому можно было бы не удивляться, что еще в начале века, не достигнув и тридцати лет, Чарльз Спенсер Чаплин был безоговорочно зачислен в когорту великих. Удивительно другое: проходит десятилетие, второе, шестое, а имя его не меркнет.

В чем секрет долголетия его славы? Сколько встречался с ним, каждый раз я становился свидетелем какой-то неистовой погони за совершенством. Ему уже восемьдесят, а он работает с юношеской одержимостью.

И еще, что поистине удивительно в его творческой биографии — это самоотверженность, с какой он постоянно отстаивает свою независимость художника.

Мы оказались в Голливуде в 1929 году, Сергей Эйзенштейн, Эдуард Тиссэ и я.

— Зачем вы приехали? — спросил Чаплин.

— Посмотреть, как делают хорошие фильмы, — ответил Эйзенштейн.

— В Голливуде их не делают. Здесь делают деньги.

Почти то же самое услышали мы в те дни и от великого Диссона, говорившего:

— Я зря изобрел киноаппарат. Из него сделали машинку для выработки денег.

Таким был Голливуд. И был маленький Чарли, большой художник, для которого главное — правда.

Мне довелось наблюдать, как Чаплин снимал очень смешную сценку, предназначенную для фильма «Огни большого города». Заработав деньги, бродяга Чарли направляется к слепой возлюбленной. По пути ему попадается «механизированный» нищий. Нищий сидит на тротуаре с никелированной кассой и каждый раз, получая подаяние, выбивает чек и вручает его подателю милостыни. Бродягу захватывает необычная процедура, и он подает нищему одну монету за другой, пока не остается без денег, с руками, полными чеков. Эту сцену Чаплин шлифовал без конца. Но когда фильм был готов, он ее выбросил.

— Сцены подобного рода, — объяснял мне Чаплин, — имеют право на существование в дру-

Г. АЛЕКСАНДРОВ и Ч. ЧАПЛИН: «Волга, Волга, мать родная...»

гих картинах, но я стремлюсь к иному. Эффект этой сцены основан на механическом трюке, а для меня в искусстве главное — человек.

Маленький человек, нелепый в огромном и жестоком обществе — таков его alter ego. Но, может быть, нелепо само общество, в котором нет места «маленькому человеку»? Сделав однажды эту посылку, Чаплин блестяще ее доказывает многими своими фильмами. И этого ему не прощают. Ему ничего не прощают сильные мира, в котором он живет и работает.

Он один из немногих в угорелой от шовинизма Америке осмеливается выступить против империалистической войны, а его объявляют трусом. Американские войска высаживаются на севере России, и Чаплин публично выступает против этого преступления, а его объявляют коммунистом.

В ту нашу первую встречу в Голливуде его нервы были взвинчены до предела.

Перед нами сидел седеющий человек (друзья рассказывали, что еще два года назад у него не было ни одного белого волоса), и мы обсуждали перспективы звукового кино. Чаплин отрицал его начало. Мы с Эйзенштейном и с Пудовкиным опубликовали за год до этого статью «Заявка», в которой предполагали очень длительный и очень тяжелый процесс интеграции звука с изображением.

В Америке повсюду шли споры о говорящих фильмах. А Чаплин продолжал ставить немой фильм. И у него не было выбора.

Затем мы встречались с Чаплиным перед войной, когда он ставил уже звуковой фильм «Великий диктатор».

Идея этого фильма лучше всего выражена Чаплиным в замечании по поводу гитлеров-

ского бреда «Майн Кампф», книги, которую он прочитал весьма внимательно: «То, что Гитлер украл у меня усы, это черт с ним. Но того, что он собирается уничтожить целые нации, я ему простить не могу».

Чарли Чаплин выступает против фашизма. Первым в Голливуде, одним из немногих в Америке.

Когда началась война, Чаплин требует открытия второго фронта — летом 1942 года. Он обращается к СССР: «Я приветствую тебя, Россия, ибо ничто не может остановить тебя на пути прогресса...» За эти слова на него вновь обрушивается реакционная пресса.

И все-таки все прежние выпады против Чаплина кажутся невинной забавой по сравнению с тем, что пришлось ему пережить в самый разгар «охоты на ведьм». Его изгнания и смерти требовали не только враги, но и люди, которые по логике элементарной порядочности должны были бы благоговеть перед ним. И в 1952 году он покидает Соединенные Штаты.

А спустя несколько лет Чаплин посетил государственный секретарь США и от имени нового президента Джона Кеннеди просил вернуться в Америку. Он отказался: «Там разучились смеяться и плакать».

Совсем недавно я видел новую картину Чаплина «Графиня из Гонконга». Это чудесная картина. Пользуясь случаем, хочу обратиться к моему другу через газету: «Я поздравляю вас, Чарли, с юбилеем и с новой творческой удачей. И хочу повторить то же, что говорил уже не однажды при встречах. В нашей стране вас знают, любят и ценят. Будьте же счастливы, Великий Чарли».

Г. АЛЕКСАНДРОВ,
народный артист СССР.